

ПРОЛОГ

Шел снег. Сыпал сверху из непроглядной черноты крупными хлопьями, вспыхивал в ярких отблесках новогодних гирлянд, мягко ложился на плечи и шапки. Редкие прохожие были похожи на сугробы, торопливо передвигающиеся в свете фонарей. Девушка в темном полушубке и шапке-наушниках шла к переходу и быстро говорила в свою гарнитуру:

— Конечно, я приду! Да, я уже вышла! Минут через двадцать буду у тебя. Нет-нет, Новый год можно праздновать где угодно и с кем угодно. А день моего восемнадцатилетия мы будем встречать вместе.

Она улыбалась. Было видно, что собеседник ей очень приятен. А разругавшиеся щеки показывали, что даже более чем просто приятен.

— Каждый, кто родился в десять минут первого, имеет право именно «встречать» день рождения. — Она звонко засмеялась.

И поскользнулась на присыпанной снегом ледянке. Да так, что едва удержалась на ногах, неловко взмахнув руками. Но даже тогда не прервала разговор.

— У меня есть кусочек торта, — улыбнулась она, и хотя тот, с кем говорила, никак не мог ее видеть, покачала сумкой в доказательство. Затем замолчала, слушая его. И, зардевшись, ответила тихо:

— И я тебя! Очень! Скоро буду, жди. Ты ведь уже поставил чайник?..

Продолжая болтать, она шагнула на занесенную снегом зебру пешеходного перехода...

Огромная фура с грохотом летела по скользкой дороге и отчаянно сигналила. Но девушка в шапке-наушниках радостно смеялась чему-то, что говорил ее собеседник, и ничего не услышала.

— Что вы наделали?!

Несмотря на крики, вой сирен и прочий шум, молодой голос был так хорошо слышен, словно звучал в полной тишине. И звучал испуганно:

— Ей не время было! Сегодня — точно нет.

Тот, к кому он обращался, ответил не сразу. Но его голос был хриплый и уверенный:

— А через два часа ей бы исполнилось восемнадцать, и тогда бы она не смогла...

Что именно она не смогла бы, не сказал. Видимо, обоим это было хорошо известно.

— А кто сказал, что теперь сможет? И вообще, ей было не время. Не сегодня! Это нарушение. Это... — задохнулся первый голос, звонкий, почти мальчишеский. — Да вы представляете, что с нами сделают?

— Только если узнают. А откуда они узнают, если мы никому не скажем?

Повисла долгая пауза, словно бы один из говоривших обдумывал сказанное.

— Она должна была жить! — упрямо произнес первый голос.

— Еще целую неделю? — с усмешкой произнес второй. — Вот радость-то! Через неделю вероятность гибели — восемьдесят пять процентов.

— Восемьдесят пять — это не сто! — не сдавался молодой.

— Восемьдесят пять — это почти сто. Хватит болтать, пора убираться отсюда, пока нас не заметили.

ГЛАВА

1

Пряно пахло травами и нагретой землей, сверху припекало, по ноге что-то ползло. Я открыла глаза и с удивлением обнаружила, что лежу в высокой траве, над головой ярко голубеет небо без единого облачка.

Села, смахнула с ноги божью коровку, одернула подол... чего-то белого, балахонистого, смахивающего на бабушкину ночнушку.

Перед глазами колыхалось под ветром поле, самое обычное, пестрое, жужжащее, стрекочущее, с редкими кустами и лесом вдалеке.

Я осторожно повернула голову и тут же увидела рядом незнакомого парня, на вид — моего ровесника. Он сидел, облокотясь на колено, и лениво жевал травинку. Высокий, скуластый, светло-

волосый. Летнее солнце словно запуталось среди его пшеничных прядей.

Летнее? Но сейчас же зима. Откуда все это — трава, цветы и солнце?

— Где я? — то ли спросила у парня, то ли просто проговорила в пустоту.

— А сама-то как думаешь? — с усмешкой любопытствовал он, перекатывая травинку из одного уголка губ в другой.

Сама я думать сейчас, кажется, ничего не могла. У меня дико раскалывалась голова, да и все тело ломило так, будто его пропустили через мясорубку. Птичьи трели из леса, стук дятла, жужжание шмелей и даже стрекот кузнечиков гудели в висках набатом.

Последнее, что помню, — это огромная махина, которая сминая меня под своими колесами. И хлопья снега, летящие прямо в лицо...

Но после такого оказываются в больнице. Или вообще нигде не оказываются. Но уж точно не отправляются на цветущую лужайку.

— Я попала под машину... — Уверенности в моем голосе не было.

— Точно! — неизвестно чему обрадовался парень. — Раскатало по асфальту в лучшем виде. Сразу насмерть! — Он улыбался, хотя повода для улыбок я тут не видела. — А нечего ходить в наушниках, и на дороге по сторонам смотреть надо.

— Там... горел зеленый, кажется... — непонятно зачем начала оправдываться я.

— Может, и зеленый, — пожал плечами он. — Да только у фуры тормоза отказали или еще что-то сломалось. Ей по барабану было, какой там свет. Ладно, хватит болтать, пошли быстрее, пока ты не вырубилась. Тащить тебя я не нанимался.

Все это было похоже на бред. Так, значит, я умерла? На меня наехала фура? И теперь я оказалась в странном месте и в странной одежде?

Слишком много всего и сразу свалилось на меня. Это невозможно было ни удержать в голове, ни как-то разложить по полочкам. Меня хватило лишь на то, чтобы бестолково пробормотать:

— Куда тащить? Не надо меня никуда тащить...

— В твою комнату, конечно. Или ты на улице спать собралась?

Я нигде не собиралась спать. По крайней мере, до тех пор, пока не пойму, куда попала.

— В мою комнату? У меня тут нет никаких комнат. Что это за место вообще?

— Место как место. Академия мертвых душ, — он почему-то усмехнулся. С сожалением выплюнул травинку и поднялся. — И вообще. Объяснять — не моя забота. Моя забота — принять и отвести в комнату. Там ты будешь дрыхнуть сутки. Все заморыши сначала спят, не пугайся. А потом уже станет ясно, кто ты и куда...

— Спать? Я совершенно не хочу спать. И в комнате тоже не хочу.

Впрочем, все это говорила уже на ходу, торопливо ступая босыми ногами по колючей траве вслед за светловолосым.

— Это тебе только так кажется. Давай пошевеливайся.

А я и так шла быстро, как могла: каждый шаг отзывался болью во всем теле. Но все же успела оглядеться по сторонам. И никакой академии или вообще чего-то, похожего на здание, не увидела. Только поле, кусты да темнеющий неподалеку лес.

Куда вообще меня ведет этот подозрительный тип? Впрочем, этим вопросом следовало задаться раньше.

Домик, маленький, бревенчатый, словно выткался в воздухе за ближайшим кустом. Секунду назад я его не видела, а теперь вот — стоит. Три окна, покатая крыша, крыльцо в несколько ступенек, с перилами и козырьком над дверью. Сам же куст оброс колючками и бутонами, стал похож не то на жасмин, не то на шиповник. Рядом проявился еще один, тут же еще. По кусту под каждое окно. А перед ними выросла скамейка, гладкая, деревянная, широкая...

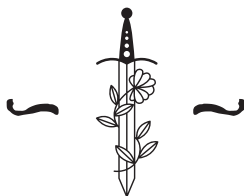
Я зажмурилась, поморгала: нет, все это никуда не исчезло.

Тем временем светловолосый поднялся на крыльцо, завоzilся с дверью. И тут я почувствовала, что и правда хочу спать. Причем не про-

сто хочу, а буквально падаю с ног. Я опустилась на скамейку, хотела сказать парню: «Погоди немного», но слова словно застряли у меня в горле. А сама я качнулась и упала на нагретые солнцем доски.

— Ну елки-палки! — слышала я уже сквозь сон. — Два шага не могла пройти! Тащи теперь ее...

2

Сон был густым и вязким, с короткими и тревожными сновидениями. Несколько раз я словно выплывала на поверхность и там видела незнакомые лица, слышала обрывки фраз: «Сон неглубокий», «Она все время просыпается», «Не удерживается...», «Это может повлиять на дальнейшую...»

Я даже успевала понять, что люди говорят обо мне и, по их мнению, спать мне надо крепче.

А вот на что это может повлиять, так и не услышала, снова провалившись в омут дремоты, тяжелый, беспокойный, мутный.

После бесконечных блужданий между сном и реальностью я наконец проснулась.

Проснулась по-настоящему, вспомнила все, что произошло до этого. И с минуту лежала, вытянув-

шись на кровати и не рискуя открыть глаза. Больше всего мне хотелось, чтобы случившееся и вправду оказалось ночным кошмаром. Чтобы сейчас я проснулась в своей постели, в своей пижаме, в своей комнате. Вскочила бы и побежала на кухню — пить чай и пересказывать сестре дурацкий сон.

Но когда открыла глаза, стало ясно, что ничего не получится. Я лежала на кровати в небольшой комнатке. Совсем небольшой: вдоль бревенчатой стены слева от двери были втиснуты огромный шкаф, упирившийся массивным боком в изножье моей кровати, и сама кровать. Рядом, у ее изголовья, прямо под окном с простецкими занавесками уместилась тумбочка, уставленная склянками. Вдоль противоположной стены с еще двумя окнами тянулись две лавки, на одной из которых сидела немолодая, но крепкая женщина в длинном балахоне темно-зеленого цвета и в косынке, такой же темно-зеленой.

— Оклемалась, наконец-то, — с улыбкой сказала она. — А мы уже боялись, что так и не выберешься из междумирья.

— Из междумирья? — переспросила я.

— Ну да, свой мир ты уже оставила, а в наш еще толком не пришла.

Значит, ничего мне не показалось и не приснилось. Я действительно погибла в своем мире под колесами фуры и действительно каким-то невероятным образом оказалась здесь.

— Меня зовут Арманда. Я помощник лекаря. Первые дни ты можешь чувствовать себя неважно. Так бывает... Если что — не мешкай, сразу же ко мне!

Она ненадолго исчезла за дверью, чтобы вновь появиться с подносом, на котором ароматно дымились доверху наполненные тарелки и кружка. Поставила на лавку и строго велела:

— Ешь хорошо! Тебе нужно набираться сил. Вечером — разбор!

Последнее слово она произнесла как-то особенно торжественно. Но на меня это не произвело впечатления.

Есть мне совершенно не хотелось, а хотелось совсем другого. Задать те сотни вопросов, которые теснились в моей голове. Узнать хоть что-то о месте, где я оказалась, и, желательно, о том, как мне отсюда выбраться.

— Ну? — Арманда обвела комнату взглядом. — Вроде бы тут все. Мне пора в лазарет.

— Пойдите! — взмолилась я, прежде чем она выскользнула за дверь. — Но у меня еще столько вопросов...

Вывалить на нее сразу всю сотню я не рискнула — так можно и вовсе ни одного ответа не получить. И поэтому задала главный:

— Как мне вернуться домой?

Лицо Арманды мгновенно стало печальным и скорбным.

— Боюсь, деточка, мне придется тебя огорчить. Домой ты не вернешься. Там ты умерла. И это — окончательно и бесповоротно.

Слезы тут же навернулись на глаза. Хотелось кричать, крушить мебель, с грохотом перевернуть к чертям поднос. От отчаяния и боли. От всего того невыразимого, что творилось сейчас в моей душе. Только вот сил на это не было.

— Не о том тебе надо думать.

— А о чем? — машинально спросила я.

— О том, чтобы поправиться. Чтобы зацепиться за этот мир. И обучение пройти. Без обучения совсем пропадешь.

— В Академии мертвых душ? — вяло пробормотала я, вспомнив, что говорил светловолосый.

Арманда почему-то рассердилась:

— Это кто тебе уже такое наплел? Гратис небось? Уж я ему устрою за то, что на язык несдержан. Лепит что попало! Нормальная у нас Академия, живая.

— А как же... — начала я говорить дрожащим голосом.

Но она остановила меня жестом.

— Прости, деточка. Времени нет отвечать на вопросы. Скоро явится Эрмилина, твоя соседка. Вот у нее и спрашивай хоть до бесконечности.

Арманда напоследок кивнула на поднос:

— Ты ешь, не бойся. Все качественное, по вашим рецептам сделанное. На непривычную еду будешь позже переходить. А пока щадящая диета.

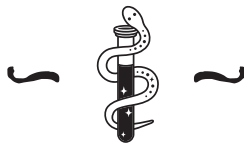
И, не дав мне произнести ни слова, выскочила наружу.

Я осталась наедине с собой и своими мыслями. А те словно ждали: обрушились разом нестерпимо горькой волной, невыносимой тяжестью. Жгли изнутри, давили, ранили, не давая дышать...

Когда у тебя умирает кто-то близкий, ты теряешь одного человека. Это больно, чертовски больно и обидно, но выносимо. А когда умираешь ты сам — разом теряешь всех. Как будто бы все они умерли в одно мгновение. И тебе приходится жить без них. Мама, сестренка Алена, Алекс, подруги, знакомые, соседи — все. И даже хмурый охранник в университете. Никого! Одна я в чужом незнакомом мире, который неизвестно как меня примет и какие сюрпризы приготовит.

Я в отчаянии стукнула кулаками по кровати и разрыдалась.

3

Эрмилина действительно появилась позже. Когда я выплакалась и даже успела обнаружить возле дверей что-то похожее на белые тапочки (видимо, в комплект к тому савану, в который меня нарядили), обуться, найти в доме ванную, умыться, вернуться к себе и вновь сесть на кровать, не зная, чем заняться.

Она оказалась невысокой худенькой блондинкой. Личико сердечком, серые глаза, пухлые губы. Обычная, каких сотни. А вот стрижка чудная. У нас такие точно не носят. Стройная фигурка, платье глубокого изумрудного цвета чуть ниже колена. Уж не знаю, по каким признакам, но сразу было видно — это форменная одежда, и цвет явно означает принадлежность к факультету или клану, или что тут у них.

Арманда говорила, что соседка ответит мне на все вопросы. Что ж, думаю, это будет долгий разговор. Если, конечно, она не пошлет меня к чертям и не оставит саму разбираться с тем, что тут происходит.

— Привет, Юлия! — сказала Эрмилина с порога так, что сразу стало понятно: знакомиться нам не придется. Она точно знала, кого определяют ей в соседки.

— Привет, Эрмилина, — ответила я, желая максимально ускорить процедуру знакомства и скорее перейти к прояснению моей ситуации.

Но она окинула взглядом поднос с нетронутыми тарелками и покачала головой:

— Тебе надо поесть. Не хватало еще, чтобы упала в голодный обморок на разборе. Поверь, ситуацию это не улучшит. Давай сделаем так: ты быстренько сметаешь свой обед, а я пока переоденусь и умоюсь. А потом отвечу на все твои вопросы. Ты ведь явно хочешь все знать?

Я вскинула на нее удивленный взгляд. С чего бы ей знать, чего я хочу? Но она лишь качнула головой.

— У новеньких всегда много вопросов. Так и должно быть.

Поставленная в жесткие условия «информация за еду», я метнулась к подносу и быстро уговорила тарелку борща. Потом прикончила суши и спагетти. Интересные же у них представления о моей привычной еде.

Эрмилина не обманула. Появилась на пороге моей комнаты практически в тот момент, когда я допивала остывший чай.

— Вот и отлично. — Она удовлетворенно посмотрела на поднос и, как только я опустила на него чашку, хлопнула в ладоши.

Поднос исчез. Просто исчез из комнаты, черт возьми! Я видела это своими глазами! Или показалось?

Я потерла глаза, встряхнула головой. Может быть, это все еще продолжают видения из моих снов? Но нет. Лавка была пуста.

— Прости, — Эрмилина покаянно сложила руки у груди. — Я тебя не предупредила. И для человека из твоего мира это немного непривычно, понимаю.

— Что ты сделала с подносом? — прошептала я, опускаясь на кровать.

— Забросила его на кухню, конечно...

Она говорила об исчезновении как о чем-то совершенно обычном.

— И как ты это сделала?

— С помощью магии. Самой обыкновенной бытовой магии.

Магии, значит... Я сидела и не могла поверить своим ушам. Обычной бытовой магии. Ничего особенного... Ну да.

— Понимаю, звучит странно, — кивнула Эрмилина, прошла и опустилась на лавку напротив меня. — Тебе многое тут покажется странным, но ты привыкнешь.

— Итак, у вас есть магия.

— Да-да. Это первое, что ты должна узнать. А второе — все, кто приходит из вашего мира, магически одарены, и довольно щедро. Собственно, именно поэтому вас и приглашают сюда.

— Приглашают? — горько усмехнулась я. — Да меня просто сбила машина! Как-то это не очень похоже на приглашение.

— Нет, нет! — Эрмилина замахала руками. — Машина не из-за нас. Она сама по себе. Наоборот, тем, кто погиб молодым, у нас вроде как дается второй шанс все-таки прожить жизнь.

— То есть я в любом случае умерла бы в своем мире?

— Да. И тебе еще чертовски повезло.

— Повезло? Мне так не кажется.

— Ты погибла за пару часов до своего восемнадцатилетия.

— И это ты считаешь везением?

— Вообще-то да. Никто старше семнадцати не попадает в наш мир. Еще пару часов — и ты просто умерла бы навсегда.

Я замолчала, пытаясь посмотреть на случившееся с точки зрения «второго шанса». Но уверенность в том, что мне повезло, так и не появлялась. Одно дело — просто умереть, и совсем другое — начинать жить в другом мире, совершенно чужом, с его законами, магией и черт знает чем еще, что мне предстоит выяснить. И пока не могу сказать, что в восторге от этого.

— Считается, что взрослые плохо адаптируются, — увидев, что я молчу, Эрмилина заговорила сама. — Будь осторожна. Магические силы иногда проявляются спонтанно. Старайся не оставаться одна, особенно в первое время. И ради бога, прежде чем что-то сделать, спрашивай у меня, к каким последствиям это может привести. Главное, не попадай в неприятности.

— А ты что, вроде как моя нянька? — усмехнулась я.

— Вроде того, — серьезно отозвалась она.

— И за что же тебе такой подарочек?

Эрмилина замялась, но все же ответила:

— Ты будешь учиться в пятой королевской академии. Единственная академия, где обучаются иномирцы...

— Поэтому ее называют «Академией мертвых душ»? — перебила я.

Она улыбнулась:

— Это, так сказать, очень неофициальное название. Не используй его, когда будешь говорить с преподавателями или кем-нибудь из администрации. Им это не нравится.

То-то Арманда была недовольна!

— Обучение в Академии очень дорогое, — продолжила Эрмилина.

Я встrepенулась. Я сюда попала совершенно без денег. И даже не знаю, как выглядят местные деньги. А теперь, оказывается, на меня могут повесить неслабый долг за обучение?

— Не переживай. Для вас оно бесплатное. Считается, что будущей работой во благо короны все иномирцы с лихвой компенсируют затраты на обучение. Для местных же ситуация другая. Если твои родители не богачи и у тебя нет сногшибательных магических данных, таких, что академии готовы сражаться за право тебя обучать, то шансов получить образование очень мало. И один из них — оказаться соседом кого-то из иномирцев и помочь ему освоиться. Разумеется, наукам, мироустройству и всему прочему тебя будут учить. Но каким-то простым бытовым вещам вроде того, где покупать одежду, с кем стоит спорить, а с кем нет, как укладывать волосы... В общем, для этого у тебя есть я. И если ты не справишься, неприятности будут и у меня тоже.

Я немного помолчала, обдумывая сказанное. А потом спросила:

— И что же мне следует знать? Есть что-то самое важное?

Она ответила быстро, не раздумывая:

— Есть. Никому не верь.

Предупреждение Эрмилины оптимизма не добавило. Напротив, как-то сразу стало понятно, что место это не самое дружелюбное.

— Неужели совсем никому?

А преподаватели? Врачи? Или нет, тут они лекари...

Она пожала плечами:

— Во всяком случае, никому из тех, с кем будешь учиться. Их хлебом не корми, дай поиздеваться над заморышами.

— Над заморышами? — переспросила я.

Эрмилина, кажется, смутилась:

— Ну... над теми, кто попал сюда после смерти...

— Ясно.

— Пожалуйста, Юлия, будь осторожна! Тебя могут попросить повторить какое-нибудь разрушительное заклинание. Со всеми вытекающими последствиями. Или «подсказать» дорогу. Отправить в библиотеку за чаем или еще какую-нибудь глупость могут придумать. И далеко не все их каверзы так уж безобидны. Одного из ваших добрый однокурсник вместо столовой отправил в загон с ламиями. И это могло очень плохо кончиться!

Ламии? Это еще кто? Судя по всему, ничего хорошего. Уж точно не ласковые кошечки. Нет-нет, пока не хочется вдаваться в такие детали. Узнаю потом. Тут понять бы, как себя вести.

— И за что же нас так не любят?

— Каждый из местных годами готовился к университету, учился, развивал магический потенциал, выдерживал трудные экзамены. А вы просто появляетесь и получаете сразу все...

— Я вовсе не просила меня сюда засовывать, — сердито буркнула я в ответ.

— Да это понятно! И конечно, понятно, что ваш магический потенциал несравнимо выше, чем у любого в королевстве. Но понимать и при-

нимать — разные вещи, — вздохнула она и добавила: — А еще представь себе, что у каждого из них есть знакомые, друзья, сестры, братья, которые хотели бы поступить в Академию, но не поступили. В общем, надеяться на доброжелательность кого-то из них я бы не стала...

Пожалуй, и я не стану. Ладно, с местными разобрались. Но...

— Но ведь остаются еще и наши, те, кто так же, как я, попал сюда, вовсе этого не желая.

— О нет, тут на дружбу точно можно не рассчитывать, — покачала головой Эрмилина. — Наши, конечно, вас недолгобливают, но в целом делить тебе с ними нечего. А вот для иномирцев с самого начала заготовлены места, где они будут работать после Академии. Какие-то получше, какие-то похуже, понимаешь?

— Нет, — честно призналась я.

— Если для коренных жителей королевства вы просто бельмо на глазу и заноза в заднице, то друг другу вы прямые конкуренты. К тому же многие из ваших сейчас уже не новички, что-то знают и понимают об этом мире. А когда-то и сами были мишенью опасных розыгрышей и насмешек. Так почему тебе должно быть легче?

— Дедовщина какая-то... — тихо пробормотала я, мысленно готовясь к неприятностям.

— Ладно, хватит болтать. — Эрмилина взглянула на некоторое подобие часов у себя на запястье. — Скоро разбор, а туда лучше не опаздывать!

ГЛАВА

4

Мы шли в Академию все по тому же бескрайнему полю. Сначала я крутила головой, пытаюсь высмотреть хоть что-то похожее на здание.

Ни-че-го!

Ни домов, ни людей. Лишь синь неба над головой и колышущееся море травы до самого горизонта. Даже лес словно отодвинулся, темнел где-то далеко-далеко длинными полосами, что справа, что слева.

Интересно, и где же эта обитель магических знаний? Под землей? Иначе мы и к вечеру до нее не доберемся.

Только я повернулась и открыла рот, чтобы спросить, как Эрмилина задумчиво сказала:

— А ты молодец, неплохо держишься!

В ее взгляде скользнуло что-то похожее на уважение. А тон был настолько серьезным, что по спине пробежал холодок.

— Что ты имеешь в виду? — сглотнула я, немного притормозив.

Может, мне не стоит так уж торопиться в Академию? Может, разбор, о котором тут все говорят, — это какое-то жуткое действо? Я невольно поежилась и тут же на себя рассердилась. Ну не на органы же они меня разбирать будут! Для этого можно было не выхаживать и не кормить, да и на вопросы отвечать необязательно.

— Совсем немного поплакала — и все, бодрячком, — охотно пояснила Эрмилина. — А обычно ваши по несколько дней рыдают. И на разбор идут такие, что краше в гроб кладут.

Она тут же смутилась, прикрыв ладошкой рот. Ну да, выраженьице не слишком деликатное, особенно для того, кто только что умер. Я тихонько вздохнула.

«Бодрячком» я вовсе не из-за какой-то особенной силы духа. Не было ее у меня никогда, чуть что — в слезы. Просто кое-что изменилось в тот момент, когда Эрмилина легким движением руки растворила в воздухе поднос и сообщила, что в этом мире есть магия.

Решение пришло само собой, сложилось буквально в одно мгновение. Тут есть магия, и меня будут учить ею пользоваться. Да я стану самой-са-

мой прилежной ученицей, которую только видели стены Академии мертвых душ, и обязательно постигну магическую науку! А потом найду способ вернуться домой.

Значит, некогда рыдать, нужно действовать.

Но делиться этими мыслями с Эрмилиной я не стала. Думаю, ими здесь вообще ни с кем не стоит делиться. Пусть считают, что я смирилась. А тем временем можно искать способы достичь своей цели.

— А что это за разбор такой? — спросила я, чтобы увести разговор от опасной темы.

Разбор, о котором говорила сначала целительница, а следом за ней и Эрмилина, оказался не чем иным, как распределением. Во время него многого от меня не потребуется, только возложить руки на специальный шар. А уж дальше все будет зависеть от того, как он засветится.

В Академии есть пять факультетов. И у каждого собственный цвет.

Те, под чьими руками шар загорается красным, примеряют на себя алые мантии и идут изучать суровую боевую науку, становясь студентами Факультета Защиты.

Если шар засветится изумрудно-зеленым — учиться придется на Факультете Заботы, там готовят целителей.

Золотистым свечением отмечают те, кому прямая дорога на Факультет Ясности. Там готовят предсказателей. Впрочем, насколько я поняла,

мне это вряд ли грозит. Эрмилина сказала, что иномирцы туда не попадают.

Серебристо-серый — цвет Факультета Справедливости. Это вроде нашего юридического.

Ярко-синий — Факультет Созидания. Туда, похоже, собрали сразу все естественные науки: биологию, географию, генеалогию и прочая, и прочая. Его выпускники изготавливают всяческие амулеты и артефакты. Их поэтому еще называют артефакторами.

Все эти знания им ой как нужны. А ну как в важный артефакт не тот камень засунешь или шерсть не того зверя. Эффект может быть крайне разрушительным...

Выслушав этот небольшой перечень вариантов, я приуныла. Вряд ли умение ваять артефакты, знание местных законов или боевые приемчики помогут мне вернуться домой.

Ну что за невезение, а? Целых пять факультетов, и ни на одном не готовят, к примеру, открывателей порталов или специалистов, которые путешествуют по мирам!

Впрочем... Магии-то меня на любом научат. А дальше сама разберусь. Наверняка тут есть библиотека. А может, и факультативы имеются нужные...

Ладно. Пусть распределяют куда угодно. А дальше будет видно.

Я немного повеселела и покосилась на шагающую рядом Эрмилину. Та буквально сияла.

— Никогда не была на разборе у ваших, ну, у иномирцев! — восторженно выпалила она, перехватив мой взгляд. — Только слышала, что там обычно такая иллюминация, такое яркое свечение, просто красота красивущая!

Я понимающе кивнула. Ну разумеется! Будь это иначе, разве бы стали они заморачиваться да тащить к себе мертвецов из параллельного мира? Точно бы не стали.

Еще шаг, и я вскрикнула от неожиданности: на расстоянии десятка метров стоял... замок! Секунду назад было ровное поле, а теперь возвышалась каменная громадина с узкими стрельчатыми окнами, несколькими башнями, острыми шпилями, воткнувшимися в небо. И массивными двустворчатыми дверями единственного входа, к которому вели несколько широких и длинных ступеней.

Прямо от стен начиналась вымощенная серыми плитами площадь, плавно переходящая в поле. Причем «плавно» — в буквальном смысле. Те плиты, по которым мы шли, были вполне нормальными. А вот чем дальше от нас, тем более прозрачными они становились и тем сильнее сквозь них виднелась трава! Слово одно изображение наложили на другое, размыв по краям.

— Что-то случилось? — встревоженно спросила Эрмилина.

— Замок... — растерянно пробормотала я. — Он появился ниоткуда! Как такое вообще может быть?

Она с облегчением выдохнула и рассмеялась:

— Замок стоял тут всегда, просто ты его не видела. От непосвященных все скрывается. Вот после разбора рассмотришь...

— Но теперь я же его вижу. А разбора еще не было...

— Это потому, что ты со мной... Чужак не увидит ни замка, ни домиков, ни площади с магазином. Была бы одна, так бы и промчалась сквозь замок, ничего не заметив.

— Э, нет, постой! В домик-то я вошла...

Хотя нет, не вошла. Бесславно развалилась на скамейке. Вихрастому блондину пришлось меня туда затаскивать. Эта мысль заставила меня покраснеть.

— Ты ведь тоже была не одна. Встречающий привел.

Мы поднялись по ступеням, немного неровным, стертым тысячами ног, Эрмилина потянула на себя тяжелую створку. Робея, я шагнула в обитель знаний и удивилась тому, как тут тихо. Студенты в разноцветных мантиях ходили туда-сюда, но либо молчали, либо переговаривались шепотом.

Да, совсем непохоже на гул и гомон в коридорах моего универа.

В своем саване и тапочках я смотрелась белой вороной в яркой радужной стае колибри. Но никто не тарасился, не показывал пальцем и не посмеивался. Видимо, все новички так выглядят...

— Нам к ректору, — сказала Эрмилина и бодро потащила меня за руку вверх по широкой лестнице. — Его кабинет на втором этаже.

Но, оказавшись перед солидной деревянной дверью, она как-то разом сникла и съежилась.

— Что-то не так? — спросила я.

— Нет, все нормально. Просто ректор у нас... В общем, его тут все побаиваются, — пробормотала Эрмилина. И шепотом добавила: — И правильно делают...

Едва она подняла руку, чтобы постучать, как дверь распахнулась сама, и на пороге возник высокий крепкий старик с окладистой седой бородой, ни капли не поредевшей шевелюрой и кустистыми бровями. Он вовсе не выглядел устрашающе, наоборот, был похож на Деда Мороза в штатском. Но по тому, как испуганно округлились глаза Эрмилины, я поняла: это и есть ректор, великий и ужасный.

— Здравствуйте, магистр Теркирет, — сказала она срывающимся от волнения голосом. — А я вот с новенькой. Мы на разбор.

Кустистые брови удивленно шевельнулись.

— Никаких новеньких и никаких разборов в моем расписании нет, — пророкотал магистр Теркирет низким, хорошо поставленным голосом.

— Ну как же? — пролепетала Эрмилина. — Вот же, прибыла три дня назад, сегодня вышла из спячки. — Она посмотрела на меня так, слов-

но уже и сама сомневалась, что я стою рядом. — И что теперь делать?

Ректор пожал плечами:

— Что делать, что делать. Раз пожаловала, будем распределять.

Он развернулся и шагнул обратно, мы потопали за ним. Я с любопытством огляделась. Массивный письменный стол, за ним кресло, у стены книжный шкаф, вверху дверцы со стеклом, внизу глухие. Ряд стульев вдоль второй стены, пара кресел у третьей. Обычный кабинет, ничего особенного. Разве что все большое, под стать хозяину. Ректор тем временем извлек из нижней части книжного шкафа слабо мерцающую сферу и водрузил на стол.

— Ну, проходите, абитуриентка, — сказал он, прямо взглянув на меня.

Я приблизилась, положила руки на сферу и напряженно вгляделась. Прошло несколько секунд, и сфера тускло, едва различимо засветилась алым.

Эрмилина ахнула, да и ректор выглядел удивленным.

— Вот это да! — нахмурился он. — Девушка на Факультете Защиты, боевой маг — это уже странно. Но отправить в боевые маги студента с таким низким магическим потенциалом — это и вовсе нонсенс. А если учесть, что этот самый низкий потенциал обнаруживается у иномирянки...

Он снова уставился на шар, словно надеясь, что тот передумает и на этот раз покажет что-нибудь

другое. Но шар продолжал едва-едва мерцать алым.

Значит, я боевой маг... Эта новость меня расстроила. Я слабо представляла, чему учат боевых магов, и все же могла догадаться: вряд ли они много времени уделяют тайнам вселенной и вопросам перемещения из мира в мир.

Ну научат меня сражаться. И что? Как это поможет мне вернуться домой? Разве что я смогу захватить в заложники короля и потребовать, чтобы лучшие маги мира решили эту задачу за меня. Да и с захватом я вряд ли справлюсь, раз уж магический потенциал у меня на уровне ящерицы.

Я грустно вздохнула. Впрочем, могло быть и хуже. Если бы меня распределили на юридический или целительский, это помогло бы мне еще меньше. Ладно, я же уже решила, что главное — постигнуть основы, а остальное можно найти и в свободное от учебы время в старинных толстых колдовских книгах.

— И что теперь будет?

— То же, что и всегда, — буркнул ректор, — Завтра приступите к обучению.

Из его кабинета мы вышли задумчивые и удрученные. Уж не знаю, кто больше — я или Эрмилина. Наверное, все-таки я.

То, что произошло на разборе, мне совсем не понравилось.

Значит, всех «наших» сюда берут исключительно за магические способности, а у меня этих